

то имеет возможность выбирать из нескольких вариантов, которые заложены в физическом воплощении фонетических единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Журавлев В.К. Диахроническая фонология. – М., 1986.
2. Кога Й. Современный русский вокализм: Структурная интерпретация [i] и [ɨ] // *Slavic culture studies*. [Б. м.], 2001.
3. Пирогова Н.К. Парадигматическое моделирование русского вокализма // *Вопросы русского языкознания*. Вып. 2 / Под ред. К.В. Горшковой. – М., 1979. – С. 146–159.
4. Соколянский А.А. Фонологическая интерпретация русского вокализма // *Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка*. – М., 2001. – С. 244.
5. Чеченов А.А. Ахматов И.Х. Карачаево-балкарский язык // *Языки мира: Тюркские языки*. – М., 1997.
6. Якобсон Р.О., Фант Г.М., Халле М. Введение в анализ речи // *Новое в лингвистике*. Вып. II. – М., 1962. – С. 173 – 230.

УДК 81-114

Топтыгина Е.Н.

ОБ ОТНОШЕНИИ ВВОДНЫХ СЛОВ К СОСТАВУ ВЫСКАЗЫВАНИЯ*

Аннотация. В статье дается оценка различных подходов к анализу вводных слов и их позиции в предложении. Отмечается необходимость исследования прагматической сущности категории вводности, роли вводных слов в построении коммуникативной перспективы высказывания. Анализ вводности с позиций коммуникативного синтаксиса существенно расширяет представление о данной категории слов, которые обычно рассматриваются как внепредложенческие единицы, чуждые его грамматической структуре. Очевидно, вводный элемент – это единица высказывания, а не предложения.

Ключевые слова: вводный компонент, актуальное членение, грамматическая структура.

Е. Топтыгина

PARENTHETICAL WORDS AND GRAMMATICAL STRUCTURE OF SENTENCE

Abstract. The different approaches to analysis of position of parenthetical words in a sentence is shown. Pragmatical essence of parenthetical words and their role in communicative structure of sentence is examined. Parenthetical word is not a component of a sentence, but a component of expression.

Key words: parenthetical word, communicative structure, grammatical structure.

В лингвистической науке вопрос о статусе вводных слов, их особой позиции в предложении рассматривался неоднозначно.

Изолированность вводных компонентов, чуждость грамматической структуре предложения подчеркивали классики отечественной лингвистики, например А.М. Пешковский: «Вводные слова и сочетания потому не являются частями данной мысли, что когда-то составляли часть другой мысли. Дело в том, что вводные слова и сочетания образуются из так называемых вводных предложений, т. е. предложений, вставленных в середину других предложений, но не соединенных с ними грамматически... Нетрудно видеть, что путем недоговаривания таких предложений и получаются вводные выражения... При этом, чем короче такое выражение и чем чаще оно употребляется, тем больше оно теряет свое первоначальное значение (ср., например, *видите ли*, когда нечего видеть, *одним словом* когда употребляется очень много слов, *слава богу, ради бога, бог знает, черт возьми* в устах человека неверующего и т. д.)» [Пешковский А.М., 1956, с. 410]. Размышляя над морфологической формой данных слов, А.Б. Шапиро отмечал, что они «представляют собой бывшие формы изменяемых частей речи, утратившие свою морфологическую членимость и синтаксические функции, но с легко вскрываемой этимологией», эти слова, по мнению ученого, «выступают в составе других предложений в качестве сопутствующих высказываний по поводу того, что содержится в основном предложении» [Шапиро А.Б., 1955, с. 292, 296]. На специфический характер связи между вводными компонентами и остальной частью предложения указывается в работах А.Г.

* © Топтыгина Е.Н.

Руднева, который именовал эту связь «соотношением» или «соотносительной связью» и понимал ее как «такую семантическую связь, которая грамматически выражается фактом включения определяющих слов в состав предложения и соседством их с определяемым членом предложения» [Руднев А.Г., 1968, с. 146]. Трудно согласиться с мнением ученого, квалифицирующего вводный компонент «как особый член предложения», вступающий «в семантические и грамматические отношения с предложением в целом или отдельной его частью» и сохраняющий за собой «свойства отдельного члена предложения» [Руднев А.Г., 1968, с. 146]. В стремлении констатировать наличие особого вида грамматической связи между вводными словами и остальным составом высказывания исследователь оставляет без внимания прагматическую сущность данной категории слов, анализируя в основном их «смысловые функции».

На коммуникативную значимость категории вводности указывал В.В. Виноградов, подчеркивая, что вводные компоненты объединяет общая коммуникативная установка воздействия на собеседника, адресата речи: «...Они вовлекают то лицо, к которому обращена речь, в круг желательных или нужных говорящему модальных оценок и квалификаций высказывания» [Виноградов В.В., 1975, с. 71]. Реализация субъективных намерений говорящего, его стремление воздействовать на адресата речи с помощью объективных (языковых) средств – вот та позиция, с которой В.В. Виноградов смотрит на лингвистическую сущность категории вводности.

В работах А.Н. Гвоздева указывается не только на изолированное положение вводных компонентов, но и специфическое интонационное их оформление: «Вводные слова не включаются в общую цепь подчинительных связей, охватывающих члены предложения; они обычно относятся ко всему предложению, их особое по сравнению с членами предложения положение получает выражение в интонации, показывающей, что в состав предложения входит нечто инородное, прерывающее обычное интонационное объединение слов в предложении» [Гвоздев А.Н., 1973, с. 192]. Различное расположение вводных компонентов в составе предикативной единицы, их отнесенность к целому предложению или отдельным его членам описывается исследователем с позиций формального синтаксиса, без учета коммуникативной структуры высказывания.

Функции вводных слов в художественном тексте освещены в трудах Б.А. Успенского, подчеркнувшего, что здесь они используются «не потому, что автор не уверен в действительных ощущениях персонажей – но именно с тем, чтобы указать на точку зрения, с которой ведется повествование» [Успенский Б.А., 1970, с. 115]. Сходным образом вводные слова рассматриваются в русле коммуникативного синтаксиса, то есть как знаки «диалогизованности» текста, его «полифоничности» [Онипенко Н.К., 1994, с. 74].

Вводно-модальные компоненты не изменяют общей структурно-семантической схемы предложения, но обогащают ее разнообразными субъективно-модальными смыслами, в «логико-семантической структуре высказывания они выполняют роль предиката пропозиционального отношения, аргументом которого служит некоторая пропозиция событийного или оценочного характера: «Возможно, что Р». Такой взгляд на вводные компоненты изложен в Грамматике-80 [ТФГ, 1990, с. 159].

На современном этапе наиболее распространенной является такая концепция вводности, которая утверждает позицию синтаксической изолированности вводных слов от главных и второстепенных членов предложения, то есть указывает на формальные свойства данной группы слов. По наблюдениям М.В. Ляпон, «синтаксическое существо категории вводности – формальная автономность вводного компонента независимо от его структурной сложности» [Ляпон М.В., 1971, с. 198]. В то же время, такой взгляд на отношение вводных компонентов к составу высказывания: «включение» (Кротевич Е.В.), «интродуктивная синтаксическая связь» (Мухин А.М.), «соотношение» (Руднев А.Г.) – является неудовлетворительным, так как оставляет вне поля зрения те структуры, в которых вводные компоненты выполняют свою синтаксическую функцию, иначе говоря, не вскрывает сущности вводности. И несмотря на то, что оценивающая, воздействующая функция вводных слов определена недвусмысленно, существенным, на наш взгляд, недостатком остается изолированное рассмотрение их формальных и семантических свойств, что мешает раскрытию роли вводности в оформлении высказывания в речи.

В нашей работе мы рассматриваем вводность как категорию коммуникативно-прагматическую [Лекант П.А., 2002, с. 131], требующую учета позиции говорящего, который

в стремлении быть правильно понятым воздействует на собеседника, ориентируется на его восприятие и речевое поведение: «Вводность является непременным условием реализации предложения в речи, наряду с коммуникативной перспективой высказывания. Высказывание не может быть оформлено в речи без оценки его достоверности, авторизованности, обобщительности, адресованности и пр. Источником оценки является лицо говорящее» [Лекант П.А., 2002, с. 127]. С учетом сказанного статус вводных компонентов должен рассматриваться в аспекте коммуникативной структуры высказывания. В этом случае становится очевидным, что позиция вводного слова – это позиция подчиненности реме, актуализатора ремы, а само вводное слово – единица высказывания, а не предложения: «В каждом высказывании отражается актуальное отношение говорящего к действительности и его отношение к слушателю, реальному или мыслимому... Все четыре момента – вещественное содержание и ситуационная перспектива, отношение говорящего к конкретной действительности и его отношение к слушателю – создают прежде всего смысловую сторону высказывания» [Матезиус В., 2003, с. 126].

Наиболее ярко это демонстрируют вводно-модальные слова, так как именно новая информация в предложении оценивается говорящим в аспекте достоверности/недостоверности: *Я никого, разумеется, не чаял встретить, и костюм мой поэтому был самый, так сказать, первобытный* (И. Тургенев); *Что касается миров, где есть цивилизации одного с нами уровня или более высокие, то их обитатели, без сомнения, проникли в глубь своей предыстории и при контакте с нами осветят путь исторического развития жизни, приведший к возникновению интеллекта, познающего природу и себя* (И. Ефремов); *Смысл этого требования заключается, конечно, не в том, что его выполнение обеспечивает “простоту” в обывательском смысле этого слова, т.е. понятность, ясность, четкость, доступность и т.п. ...* (М. Стеблин-Каменский); *Наверное, в каждом из нас, как в плотно запертом срубе, сидит медведь и ждет своего часа; но стоит лишь дать слабину, приотпахнуть кованую дверцу, приотпустить цепи, тут и заламает черт лохматый, подомнет под себя божью душу, выпустит дух вон, – столько и нажился* (В. Личутин); *Малька, видимо, из всех сил плыла наперерез струям, но её несло всё дальше* (В. Белов).

Сказанное касается и вводных компонентов других групп:

- вводно-эмоциональных: *...в продолжении чтения стараешься напрасно уловить мысль, и только уже под конец, к сожалению, догадываешься, что ее совсем нет* (Н. Гиляров-Платонов); *За дерзкий ответ бабушке в день приезда Петра Петровича Герваське, к удивлению дворни, ровно ничего не было* (И. Бунин);

- вводно-авторизующих: *С разрушением системы церковнославянского языка литературная речь, по мнению славянофилов, лишится своего смыслового ядра* (В. Виноградов); *В. И. Даль в «Толковом словаре» (2, с. 241) помещает слово ‘лапушка’ в одно гнездо с ‘лапа’ и сближает ‘лапочка’ и ‘лапушка’ по их употреблению. Обе формы, по Далю, выражают ласковый привет женщине’* (В. Виноградов);

- вводно-обобщительных: *Пока я стоял там на страже и тихо повторял про себя темный напев, придворная дама моей госпожи, распахнув окно наверху, велела мне, по обыкновению, принести воды из колодца и потом приказала отойти от окна* (А. Блок); *Радушная соседка и вдова, / Как водится, была за бригадиром...* (А. Фет);

- вводно-контактных: *Собаки, надо отдать им справедливость, прескверные, но меня они интересуют в том отношении, что на них до смешного отразился характер их господ* (А. Куприн); *Ну, можете представить себе: эдакой какой-нибудь, то есть, капитан Копейкин и очутился вдруг в столице, которой подобной, так сказать, нет в мире!* (Н. Гоголь); *Почта запоздала, видишь ли, на неделю, потому что... Дзета уже не слушала* (А. Грин); *В век космических ракет, / Мировых открытий – / Странный, знаете, сюжет / – Да, не говорите!..* (А. Твардовский).

Все они так же, как и вводно-модальные, тяготеют к реме (в наших примерах к предикату), а в ряде случаев способствуют актуализации в высказывании дополнительных рематических центров, участвуя в оформлении присоединительных связей или полупредикативных связей: *Я задумал было и жениться, конечно не по расчету и не по прикладным соображениям, однако этому, как кажется, не суждено осуществиться, и я эту статью уже выписал в расход* (Н. Лесков); *Наконец, история наполнения церковнославянизмами великорусского живого языка, прослеженная по актам, и определение отношения числа церковнославянизмов*

в одних русских говорах к числу их в других, сделанное, конечно, приблизительно, представляют большой интерес и значение для истории культуры (А. Соболевский).

В рамках формально-грамматической структуры предложения вводные слова, конечно, никаких синтаксических связей с членами предложения не имеют и «лежат как бы в иной грамматической плоскости по сравнению со всеми другими элементами высказывания» [Виноградов В.В., 1947, с. 725]. Они связаны с актуальным членением, подчинены рематическому компоненту, однако не являются частью ремы, а представляют собой самостоятельный элемент актуальной структуры – субъективно-модальный квалификатор. В этом убеждает и невозможность номинализации предложений с вводными словами указанных групп, например: *Почта запоздала, видишь ли, на неделю. – Опоздание почты, видишь ли, на неделю; Их обитатели, без сомнения, проникли в глубь своей предыстории – Без сомнения, проникновение обитателей в глубь своей предыстории.* При номинализации предложение теряет признаки действительного сообщения, в силу чего присутствие в нем вводного слова лишено функционального смысла. Данный факт убеждает в отсутствии у вводных слов синтаксических связей в формально-грамматической структуре предложения, в «нерядоположенности» [Пименов Е.Н., 1978, с. 76] этих слов главным и второстепенным членам предложения.

Принадлежность вводных слов плану актуального членения подкрепляется также их морфологической бесформенностью, отсутствием у них форм словоизменения. А, как известно, принадлежность к тому или иному компоненту актуальной структуры, то есть к теме или реме, не опирается на семантико-морфологические свойства слова.

В то же время изолированность отдельных групп вводных слов имеет и специфические причины. Так, для вводно-союзных слов она определяется, прежде всего, их реляционной функцией в составе сложного предложения, сложного синтаксического целого и текста: *Эти авторы покажут нам, как под влиянием всемирно-римских достижений соответствующим образом ориентировала себя и каждая отдельная личность. Во-первых, она тоже шла от раннеэллинистического субъективизма к последнему античному универсализму, величественными показателями которого были герои перехода*

от римской республики к Римской империи. Во-вторых же, такого рода индивидуальное стремление к универсализму могло и не проявлять себя в известном смысле слова (А. Лосев); ...если мир есть беспорядок, в нем невозможно и достаточное знание, пока длится беспорядок; надо, следовательно, приводить мир в порядок, расширяя, соответственно этому, и знание, а со знанием - и упорядочивающую силу... (Н. Федоров).

В то же время и эти модификаторы способны маркировать ремы, то есть являться элементом актуальной структуры предложения: *Заимствованные слова отвергаются, потому что они лишены «внутренней формы» и, следовательно, бедны содержанием (В. Виноградов); Без свободы собраний не может быть настоящей свободы слова, а значит, и всего того, что с нею связано (В. Эрн).*

В связи с вышесказанным представляется интересной мысль об открытом характере категории вводности: «В процессе развития русского языка категория вовлекает в свою сферу новые средства из разных языковых ресурсов. Этот процесс связан, очевидно, с тенденцией к дифференциации оценочных характеристик высказывания и приводит к модальной многослойности предложения, к увеличению его смысловой глубины» [Ляпон М.В., 1971, с. 198-199]. Такое «вовлечение» в круг вводных слов различных языковых единиц, например частиц, обусловлено, по нашему мнению, их функцией как модального квалификатора, то есть самостоятельного элемента тема-рематической структуры высказывания, актуализатора ремы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Исследования по русской грамматике. – М., 1975. – С. 53-87.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.-Л., 1947. – 783 с.
3. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. – М., Просвещение, 1973. – 350 с.
4. Лекант П.А. Вводность – коммуникативно-прагматическая категория // Очерки по грамматике русского языка. – М., 2002. – 130-133.
5. Ляпон М.В. К изучению модального антагонизма союзов в русском литературном языке XVI века // Вопросы синтаксиса русского языка. – Калуга, 1971. – С. 197-203.
6. Матезиус В. Избранные труды по языкознанию. – М., 2003. – 180 с.
7. Ониненко Н.К. Идея субъективной перспективы в русском языке // Русистика сегодня. – М., 1994. – № 3. – С. 74-83.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном

- освещении. – М., 1956. – 512 с.
9. Пименов Е.Н. О «связях» вводного слова // Синтаксические связи в русском языке. – Вып. 2. – Владивосток, 1978. – С. 70-79.
10. Руднев А.Г. Синтаксис осложненного предложения. – М., 1959. – 198 с.
11. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. – М., 1980. – 709 с.
12. Успенский Б.А. Поэтика композиции. – М., 1970. – 256 с.
13. Шапиро А.Б. Основы русской пунктуации. – М., 1955.